

ГОСУДАРСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ ИЛИ ВООБРАЖАЕМЫЙ МИР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ В РОССИИ

Максимова О.Н.

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

Всплеск национализма в России, проблема, требующая пояснений для студенческой молодежи. Межэтническая напряженность среди прочего является следствием политики государства с «двойным дном», двойными стандартами, политики «изготовления кривых зеркал», отражающих публичную и латентную (скрытую) сторону конструирования этнополитической ситуации в России.

20 августа 2013 г. принята Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [1], рассчитанная на период до 2020 года. В качестве ожидаемых результатов программы обозначены: увеличение уровня толерантного отношения к представителям другой национальности и увеличение числа граждан, которые бы положительным образом характеризовали состояние межнациональных отношений. Вместе с тем недавние события в Бирюлево, взрыв в Волгограде, поджоги православных храмов в Татарстане актуализировали волну националистического движения. Вовлеченными в протестные акции, в первую очередь, становятся молодые люди, сознание которых открыто для всякого рода манипуляций. В этой связи необходимым и своевременным представляется анализ социокультурных оснований политических изменений, основу которых составляет фактор этничности.

Россия никогда не была моноэтническим государством, исторически отторгая эту модель, наиболее распространенную в современном мире. Российское общество характеризует сложная этносоциальная структура, обусловленная наличием, во-первых, коренных, имеющих политическую субъектность этнических групп и некоренных народов, лишенных таковой; во-вторых, крупных, средних и малых по численности народов, равных в правовом отношении, но неравных в реальной жизни; в-третьих, выходцев из смешанных браков, нередко превращающихся в культурных «маргиналов». Очевидно, что внутренняя противоречивость этой структуры может быть преодолена за счет доминирования общероссийской идентичности («я – россиянин»), однако этот, безусловно, оптимальный выход остается все еще отдаленной перспективой в силу институционализации этничности.

Вся история России фактически связана с выяснением позиции взаимоотношения русского народа с народами, которые вместе с ним жили на одной территории, и это во многом определяло специфику управления в сфере межэтнических отношений и характер этнополитического дискурса.

В эпоху Ельцина эти вызовы исходили от меньшинств, а в эпоху Путина в большей мере – от этнического большинства [2, С. 139].

Представления этнических групп о власти и государстве непосредственным образом связаны с определенным этнополитическим

видением, в основе которого находится создание и распространение набора мифов и стереотипов, формирующихся в ходе этнополитического дискурса. Этнополитический дискурс можно типологизировать на либерально-демократический и националистический. Либерально-демократический дискурс не делает ставку на этничность как инструмент политической мобилизации. На уровне политической системы либерально-демократические ориентации политической элиты основываются на принципах паритетного развития всех этнических групп, компромисса при решении проблем в сфере межэтнических коммуникаций и формирования гражданской идентичности. Представляется, что данный тип этнополитического дискурса должен стать основанием укрепления единства российской нации.

В субъектах Российской Федерации официальный этнополитический дискурс органов региональной власти имеет четкую установку на соответствие дискурсу федерального руководства. Вместе с тем имеет региональные особенности, складывающиеся в процессе определения баланса этнической и гражданской составляющей. С учетом этого обстоятельства представляется важным обратить внимание на различие региональных условий конструирования этнополитической культуры, в соответствии с которыми выстраивается этнополитический дискурс в субъектах Российской Федерации. Например, основные этнополитические проблемы Республики Башкортостан связаны с тремя ситуациями: обязательностью изучения башкирского языка для всех жителей республики; конфликтом традиционных форм ислама и радикальных мусульманских идеологий; приоритетом при назначении на государственные должности представителей, так называемой, титульной национальности – башкир [3]. 60 % преступлений, связанных с экстремизмом в Приволжском федеральном округе, по данным 2011 г. зафиксированы в Республике Башкортостан. Эти данные являются свидетельством того, что контрольной функции органов власти не достаточно для поддержания межэтнического и этноконфессионального равновесия в республике [4].

Националистическая ориентация политической элиты Башкортостана может быть охарактеризована как умеренная, если сравнивать ситуацию в сфере этнополитических отношений в данном субъекте Российской Федерации с подобной ситуацией в республиках Северного Кавказа. Стереотипы исторического сознания, в которых носят традиционалистский и подконтрольный правящим элитам характер. Это объясняется этноцентрическим восприятием истории. Религиозная ситуация характеризуется стремлением к формированию исламского общества. В регионе отмечается активное салафитско-суфийское религиозное противостояние. Следствием этого становится создание этнорелигиозных анклавов в рамках Российской Федерации, которые стремятся к существованию по своим законам [5].

В рамках анализа ситуации необходимо принимать во внимание также общественно-политический дискурс.

Общественные структуры, в основе деятельности которых, этнополитический дискурс можно условно разделить на лояльные дискурсу

власти и, занимающие протестные позиции, радикально настроенные. Как инструмент внедрения в общественное сознание отдельных элементов гражданских ценностей, власти необходим диалог с институтами гражданского общества по вопросам решения этнополитических проблем. Открытыми и удобными для такого диалога являются представители первого, из выделенных типов общественных организаций. Они находятся под контролем органов государственной власти, реализуют в большинстве своем государственные программы, и удобны для власти, поскольку обеспечивают внешнюю видимость легитимности (Общественные палаты, Координационные и межнациональные советы, НКО, находящиеся в открытом диалоге с органами власти и т.п.).

Общественные структуры, радикально настроенные, занимающие протестные позиции по отношению к власти и не поддерживающие властный этнополитический дискурс тоже вовлекаются в диалог с органами государственной власти в определенные моменты, например, в периоды избирательных компаний, как пиар-ход. Таковой была ситуация во второй половине 2011 г. и в начале 2012 г. в России.

В преддверии выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. политические партии России сфокусировались на национальной теме. В борьбе за голоса избирателей. Так, на сайтах ряда региональных отделений ЛДПР появились лозунги: «Защитить русских!», «Русские – государствообразующий народ». В ходе предвыборной кампании один из лидеров партии «Правое дело» Б. Надеждин заявил о том, что «Московская область – это русская земля». Заигрывания с националистами имели место также со стороны КПРФ. Г. Зюганов выступил с обращением «Вставайте, люди русские!», в котором содержались националистические мифы о том, что от последствий реформ пострадали в основном русские, что русские отстранены от управления экономикой, от руководящих постов в СМИ. В кампании по выборам Президента России основной кандидат в президенты страны В. В. Путин одним из первых изложил свое видение вопроса в «Независимой газете» – «русский народ является государствообразующим – по факту существования России». В программе кандидата в президенты С. М. Миронова содержалось положение о том, что «Россия – государство русского народа и других коренных народов России. Кандидат от КПРФ Г. А. Зюганов, несмотря на тезис о равноправии и дружбе народов, сделал заявление о пользе особой политики в отношении русского народа [6].

Националистическая риторика не новый инструмент власти в политической борьбе. Так, в 1945 г., сразу после войны И. В. Сталин предпринял попытку искусственно взбодрить этническое самосознание русских. Это нужно было ему и для укрепления системы личной власти, и для отвлечения внимания людей от тягот жизни в разрушенной стране. Вождь действовал лестью, произнося тост «Спасибо русскому народу», в котором он провозгласил русских «руководящим народом». Однако такая политика для нынешней власти самоубийственна. Власть поражена типичным для персоналистских режимов недугом – самонадеянностью. Сегодня не столь уж

важен ответ на вопрос, действительно ли власть стремится опереться на национализм или он возник как побочный продукт авторитарной политики. Главное – это констатация того, что на современном этапе национализм в России вышел из под государственного контроля [2, С. 134, 155].

На современном этапе националистический дискурс становится не управляемым также в силу того, что деятельность многих общественных структур, строится на использовании виртуальных технологий формирования идентичности. Выбор инструмента воздействия не является случайным. В условиях дефицита времени и избытка информации виртуальные пространства, в особенности социальные сети, выполняют функции информационных фильтров, нередко выступая для пользователей единственным постоянным источником актуальной информации. Анализ виртуальных пространств выявляет значительное присутствие в сети виртуальных сообществ, активно пропагандирующих этническую принадлежность, этнические особенности, ценности и символы определенной национальной культуры. Подобные сообщества выступают не просто источником информации, а выполняют функции своеобразного виртуального братства, имеют определенный социально-политический подтекст. Например, идеологемы, используемые в социальных сетях, такие как «Мы – русские», «Кавказцы в моде при любой погоде», «Дагестан рулит», «Чеченские братья» и т.п. позволяют предположить направление их влияния на формирование идентичности пользователей сети и особенно их влияния на сознание молодежи. Как правило такие группы используют весь спектр возможностей виртуальной культуры (аудиовизуальный ряд, возможности мгновенного вирусного распространения информации среди пользователей, скрытую рекламу и т.д.) для пропаганды этнических отличий, консолидации вокруг некой национальной идеи или этнической диаспоры. Такие группы способны из виртуальной среды переместиться в реальные сферы жизнедеятельности. Отслеживать и контролировать возникновение, содержание и деятельность таких сообществ крайне сложно, так же, как и провести четкую границу между тем, где их деятельность служит целям сохранения культурной самобытности и многообразия, а где носит сепаратистский, деструктивный характер [7].

С целью воздействия на негативные формы этнополитического поведения и конструирования гражданской идентичности на современном этапе органы государственной власти предлагают использовать программно-целевой подход, в частности, ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Вместе с тем представляется, что посредством программно-целевого подхода, перевести общество в требуемое состояние этнополитического равновесия, апеллируя при этом к инструментам, используемым в реализации этнонациональной политики на протяжении многих лет, достаточно проблематично.

Например, среди мероприятий программы предлагаются «проведение мониторинга состояния межнациональных и этноконфессиональных отношений, социологического мониторинга ключевых показателей состояния межнациональных отношений в российских регионах; поддержка проведения

Всероссийского конгресса этнографов и антропологов по проблемам межнациональных отношений и этнокультурному развитию народов России» в связи с этим необходимо обратить внимание на то, что данные направления работы осуществляются в России на протяжении десятилетий. Так, с 1993 г. Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов EAWARN осуществляет мониторинг этнополитической ситуации в Российской Федерации и других постсоветских государствах, при содействии института этнологии и антропологии РАН. Издания EAWARN распространяются методом адресной рассылки в органы власти России, неправительственные организации и исследовательские центры. Проведение конгресса этнологов и антропологов России также не является новым для России мероприятием. Конгресс проводится с 1995 г. с периодичностью раз в два года и является одним из самых значительных мероприятий РАН в области гуманитарных наук. Необходимость и целесообразность государственной поддержки проведения данных мероприятий вряд ли стоит оспаривать, но и ожидать от реализации данных программных направлений ускоренных темпов формирования единой российской нации не стоит.

Для анализа инструментов программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» обратимся к опыту реализации этнонациональной политики в одном из субъектов Российской Федерации – Оренбургской области. Изучение регионального опыта управления в сфере межэтнических отношений, который реализуется с 1994 г. в Оренбургской области позволит сформулировать некоторые прогностические предположения в отношении ожидаемых результатов реализации правительственной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Такой анализ представляется возможным поскольку, предлагаемые в данной программе формы управления этнокультурным многообразием, такие как, создание диалоговых механизмов взаимодействия власти и институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений; поддержка этнокультурного развития народов; проведение мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений; организация и проведение научных дискуссий по проблемам межэтнических отношений и другие на протяжении многих лет используются в процессе реализации этнонациональной политики в Оренбургской области.

Так, управление в сфере межэтнических отношений в Оренбургской области осуществляется на основе программно-целевого подхода (с 1994 по 2013 гг. внедрено шесть программ по реализации модели региональной национальной политики (1994–1995 гг.), (1996–1997 гг.), (1998–2000 гг.), (2001–2005 гг.), (2006–2010 гг.), (2011–2013 гг.).

В Оренбургской области осуществляется поддержка деятельности национально-культурных общественных объединений, удовлетворение религиозных потребностей жителей области, функционирование диалоговых механизмов взаимодействия власти и институтов гражданского общества,

реализация этнокультурного образования, издательская деятельность на национальных языках, поддержка национальных творческих коллективов.

Вместе с тем представленный механизм реализации региональной этнонациональной политики в Оренбургской области вряд ли может претендовать на статус эффективной модели управленческой деятельности в сфере регулирования межэтнических отношений, поскольку в регионе на протяжении многих лет сохраняется межэтническая напряженность. По результатам социологических исследований в 1994 г. более половины населения области 51 % проявляли готовность принять активное участие в конфликте в интересах своей национальной группы, в 2011 г. – 47 %. Это свидетельствует о том, что в Оренбургской области, где нет открытых межэтнических конфликтов, зафиксировано латентное (скрытое) проявление межэтнической напряженности, показатель которой за период с 1994 по 2011 гг. снизился на 4 %.

По данным исследований 2011 г. с негативным отношением к людям своей национальности сталкивались 57 % респондентов [8]. Для определения уровня динамики региональной этнополитической ситуации можно обратиться к данным социологических исследований за предыдущие годы. На отсутствие недоброжелательности в своих отношениях с представителями других национальностей в 2006 г. указало, 56,4 % респондентов [9]. По результатам социологических исследований 1994 г., было зафиксировано почти 78 % тех, кто постоянно или частично сталкивается с неприязненным или враждебным отношением к себе и к людям своей национальности со стороны представителей других этнических групп, что свидетельствует о том, что в области сохраняется межэтническая напряженность [10].

Среди субъективных факторов, влияющих на содержание и характер межэтнических отношений необходимо выделить психологический фактор. Анализ влияния этого фактора вызывает серьезное беспокойство, т.к. свидетельствует о широком распространении негативных стереотипов. Стремление к обособлению в рамках «своей» этнической группы приводит к противопоставлению себя другим этническим группам». В динамике эта ситуация выглядит следующим образом: На вопрос о том, есть ли национальности, к которым Вы испытываете неприязнь, утвердительно ответили: в 1994 г. – 58,4 %; в 2006 г. – 34 %; в 2011 г. – 36 %. Снижение уровня национальной предубежденности в массовом сознании населения Оренбургской области в 2006 г. по сравнению с данными 1994 г. является позитивной практикой, в тоже время незначительное увеличение данного показателя в 2011 г. вполне может быть следствием дальнейшего роста межнациональной напряженности. Этническая неприязнь оренбуржцев чаще всего проявляется по отношению к цыганам и представителям кавказских республик, что объясняется как личным негативным опытом общения, так и устойчивыми сложившимися стереотипами. Степень этнической предубежденности существенно зависит от национальности респондентов. Самый высокий уровень этнической нетерпимости по результатам опросов в Оренбургской области в 1994 году проявили русские, 70% которых

испытывают неприязнь к представителям одной или нескольких национальностей. По данным 2011 г. 42 % русских испытывают недоброжелательное отношение к представителям другой национальности. Несмотря на снижение уровня интолерантности русских на 28 % по сравнению с данными 1994 г., для этой этнической группы по-прежнему характерна высокая интолерантность.

Используя в качестве одного из политических инструментов регулирования межэтнического равновесия программно-целевой подход, органы власти Оренбургской области за 17 лет (1994–2011 гг.) реализации региональной этнонациональной политики не смогли кардинально повлиять на уровень латентного конфликтного самосознания граждан.

На примере Оренбургской области, очевидно, что инструменты, которые сегодня предлагает использовать власть в решении межэтнических проблем не способны повлиять на уровень латентного проявления межэтнической напряженности, для этого необходимы перемены в социально-институциональных условиях жизни общества. В конструировании «мы-образа» в России по-прежнему используются имитационные модели, в основе которых уже проявившие свою неэффективность подходы. Манипулирование националистическим символическим капиталом как одна из стратегий правящего режима, на определенном этапе, принесла свои дивиденды. Настало время конвертировать «эффекты» от такой символической политики в репутационный капитал с целью укрепления авторитета власти и обеспечения легитимации правящего режима. В этой связи Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» вполне может претендовать на роль витрины сохранения этнополитического равновесия в России.

Решение межэтнических проблем в России – уравнение с известными переменными. Досадно, что следование конституционным принципам и равноправное отношение к субъектам политического процесса вне зависимости от национальности и вероисповедания не вписывается в стратегию государства по разыгрыванию «национальной карты». При таком подходе неудивительно, что одной из типологических характеристик российской этнополитической культуры является протест. Только границы политического протеста не всегда могут оставаться управляемыми.

Список литературы

- 1. О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 – 2020 годы) [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/02/edinstvo-site-dok.html> – 13.12.2013.*
- 2. Паин, Э.А. Распутица: Полемиические размышления о предопределенности пути России / Э. А. Паин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 272 с.*

3. **Дробижеева, Л. М.** Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан / Л. М. Дробижеева. – М.: Институт социологии РАН, 2012. – С. 43.
4. **Габдрафиков, И. М.** Республика Башкортостан Мониторинг этнополитической ситуации / Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / И. М. Габдрафиков. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 383.
5. **Казенин, К.** Элементы Кавказа: Земля, власть и идеология в северокавказских республиках / К. Казенин. – М.: REGNUM, 2012. – С. 129.
6. **Тишков, В. А.** Национализм и выборные кампании / / Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / В. А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 13.
7. **Шичанина, Ю.** Виртуальные технологии конструирования идентичности: этничность или надэтничность? / Ю. Шичанина. – Ялта, 2013. – С. 339.
8. Отчет по итогам социологического исследования «Состояние межэтнических и этноконфессиональных отношений в Оренбуржье» Сентябрь 2011 г. // Текущий архив управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями министерства информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области 2011 г.
9. Отчёт «Этноконфессиональные отношения в приграничном регионе». Май 2006 г.: социологическое исследование // Текущий архив Управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями министерства информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области 2006 г.
10. **Шешукова, Г. В.** Политическая культура электората российского региона (по материалам исследований, проведённых в Оренбургской области) / Г. В. Шешукова. – Оренбург: УПЦ, 1997. – С. 141.